

Рецензии

Концепции современного востоковедения. СПб.: КАРО, 2013. 464 с.

Изучение Востока требует постоянного обогащения и обновления исследовательской методологии. Об этом напоминает новая коллективная работа, подготовленная на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Предисловие сообщает, что «книгу готовили двадцать шесть авторов и редактировали два ответственных редактора» (С. 5) — профессора Восточного факультета СПбГУ Е.И. Зеленев и В.Б. Касевич. Помимо петербургских востоковедов, в написании книги приняли участие исследователи из московских вузов.

Книга рекомендована как пособие для обучающихся в магистратуре по специальности «Востоковедение, африканистика». Знакомство с многообразием подходов и оценок в материалах разных авторов приучает начинающего востоковеда к самостоятельному размышлению о поставленных проблемах.

По мнению редакторов, современное востоковедение должно «обрести надотраслевую научную парадигмальность, сохраняя собственную обособленность и впитывая в себя методики и понятийный аппарат десятков других наук» (С. 7). Главное место в книге заняла проблема соотношения востоковедения с гуманитарными и общественными науками, их интеллектуального взаимодействия и взаимного обогащения. Список приоритетных научных сфер, ставших «партнерами востоковедного знания», перечислен на обложке книги: лингвистика, история, антропология, философия, психология, конфликтология, религиоведение, культурология, искусствоведение, глобализация, культурогенез.

Книга состоит из двух примерно равных по объему частей. Первая часть «Общие вопросы классического востоковедения» посвящена обсуждению междисциплинарного взаимодействия востоковедения с иными науками. Вторая часть «Концепции и методы современного востоковедения», по замыслу составителей, «имеет ярко выраженную инновационную на-

правленность». Здесь авторы предлагают свои востоковедные концепции и рассказывают об их практическом применении.

Книга ставит вопросы о том, как адаптировать классическое востоковедение к вызовам современности, не допуская при этом его разрушения в качестве специфического знания о не-западных обществах и растворения востоковедной проблематики в рамках широких научных дисциплин. По определению В.Б. Касевича, «востоковедение — фундаментальная наука, изучающая материальную и духовную культуру традиционалистских сообществ и устанавливающая закономерности их развития» (С. 33). Востоковед «ищет прежде всего закономерности, отражающие традиционалистский характер языковых структур, эстетических систем, социальных структур» (С. 33–34). Вместе с тем «вопрос о методе в востоковедении не вполне ясен. Можно сказать лишь, что имея в качестве основного объекта тексты, востоковед обречен прибегать к историко-филологической методике анализа» (С. 34).

Другие авторы указывают на «специализированную дробность востоковедения», охватывающего очень разные дисциплины и регионы, и одновременно на «междисциплинарный и интегрирующий характер востоковедного знания» (С. 66). В качестве методологической специфики востоковедения подчеркнут «комплексный подход к изучению культур», отмечается, что эта практика «оказалась верной стратегически перед лицом современных течений в гуманитарии» (С. 203). Поскольку востоковедение является комплексной дисциплиной, «востоковедом не способен стать человек, не постигший, хотя бы в основных деталях целостность изучаемой восточной культуры», при этом в сфере искусствознания комплексность подхода к восточной культуре позволяет «компенсировать субъективность априорных герменевтических ожиданий» (С. 206).

Во введении М.С. Мейер заметил, что востоковедение становится все более междис-

циплинарным и ориентированным на проблемы современности, и это можно видеть на примере опубликованных в книге материалов. Может ли востоковедение претендовать на статус обобщающей надотраслевой научной дисциплины? И можно ли разумным образом продолжать объединять очень разные страны и регионы под вывеской Востока? Даже если ответы на оба вопроса будут положительными, они нуждаются в содержательном обосновании. По мнению М.С. Мейера, «ясно, что прежняя характеристика Востока как части человечества, где господствует традиционализм, сегодня не работает. Потенциал развития современного азиатско-африканского мира ничуть не меньше, чем у ведущих держав Запада» (С. 12)

Поиск новой парадигмы востоковедения выходит за пределы привычной борьбы с «западоцентризмом» и «колониализмом» в науке, а также за рамки поисков замены для марксистских схем. Былые упования на повсеместный модернизационный переход от традиционализма к современному обществу оказались несостоятельными, а постмодернистское увлечение понятием «культура» привело к пониманию мирового процесса как «вражды цивилизаций», отмечает В.В. Бочаров (С. 81). Е.И. Зеленов и Н.А. Самойлов указывают, что обозначившееся в российских социальных и гуманитарных науках в период перестройки и распада СССР «стремление полностью заменить стадийно-формационный подход на цивилизационный в настоящее время несколько ослабло, и на первый план выходят попытки создания новых «синтетических» теорий развития человеческого общества» (С. 239). Авторы предложили соединить лишенный географических характеристик духовный цивилизационный подход с региональным, обладающим осязаемым пространственным содержанием.

Приоритетное внимание в книге уделено изучению языка и литературы (авторы разделов А.К. Оглоблин, В.Б. Касевич, А.В. Образцов, М.Л. Рейснер). Этот акцент вполне оправдан в силу важности для востоковедов языка и текста. Н.Н. Дьяков предложил кратко определить главный объект востоковедного исследования как «языки и традиции Востока» (С. 110). При этом язык выступает не только как объект, но и как необходимый инструмент, дающий доступ к пониманию текста на восточном языке — «это не только материал для научных исследований, но и средство живания в восточный духовный мир, без чего не может быть настоящего востоковед» (С. 52). В книге показана история становления и развития восточной

филологии в России, продемонстрирована сохраняющаяся важность лингвистических подходов к изучению Востока, содержательно рассмотрены сложности, возникающие при включении обладающего уникальными характеристиками восточного материала в обобщенную схему истории мировой литературы.

Очерк «Востоковедение и философия» (Р.В. Светлов) рассказывает о вкладе философской компаративистики в развитие востоковедения и об идущей от французского мыслителя П. Массон-Уреля стратегии равноправного сопоставления восточных и западных философских культур. Философская проблематика заслуживала более подробного освещения, поскольку неизбежное при кратком объеме (всего 9 страниц) обобщение материала не позволяет увидеть частности — а они при изучении Востока весьма важны.

Это произошло при попытке противопоставить широкое западное увлечение «восточной мудростью» невысокому интересу Востока к западной философии: «Для массы даже образованных индусов, китайцев и арабов европейская метафизика (в отличие от технических навыков) никогда не была, да и не будет модным явлением» (С. 148). Можно спорить о том, какой масштаб увлечения метафизикой, требующей серьезных мыслительных усилий, можно назвать «массовым» или «модным». Однако в Китае в 1920–40-е гг. искренний и живой интерес интеллектуалов к западной метафизике, несомненно, присутствовал. Об этом свидетельствуют созданная в процессе творческого переосмысления западных идей система «плюралистической гносеологии» Чжан Дунсуня, синтетическая китайско-западная метафизика «современного неоконфуцианства» Фэн Юланя, и — в особенности — созданная Цзинь Юэлинем метафизика *дао*, сочетавшая западные методы и китайские термины.

Заметим, что приведенный в книге пример двух значимых философских событий — создание неоконфуцианской школы Чжу Си (XII в.) и публикация в начале 1920-х гг. «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна (С. 155) — непреднамеренно «старит» китайскую философию, смещая ее достижения в далекое прошлое по отношению к Западу. А ведь в этой паре место Чжу Си вполне могли бы занять Фэн Юлань или Цзинь Юэлинь — по крайней мере, оба пытались опереться на труды западной аналитической философии, они спорили с Витгенштейном и даже стилистически подражали ему. Полное освоение философского измерения современного востоковедения требует внимания

не только к сопоставлениям, но и к творческому феномену современного конфуцианства, представители которого интересовались и интересуются западной метафизикой, видя в ней ресурс для развития китайской философии.

Большое внимание в книге уделено экономической науке. Это актуальная и важная тема, от востоковедов ждут убедительных объяснений как бурного экономического роста на Дальнем Востоке, так и его драматического отсутствия на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Представленные в книге тематически близкие разделы «Востоковедение и экономическая теория» (С.Ф. Сутырин, Л.В. Попова, М.Н. Самойлова) и «Экономические концепции современного востоковедения» (Р.М. Нуреев) удачно дополняют друг друга, хотя из-за принадлежности к разным структурным частям книги, «классической» и «инновационной», между ними пролегла дистанция в двести страниц.

Первый текст дает представление о коллизии между стремлением экономистов создавать универсальные теории и необходимостью учета региональной специфики. По мнению авторов, принципы организации хозяйственной жизни на Востоке не укладываются «ни в формационную концепцию К. Маркса, ни в рамки классической экономической теории, основанной на модели рационального человека и совершенного рынка» (С. 129). Было признано, что на формирование экономических систем повлияли цивилизационные ценности Востока. Вместе с тем авторы отмечают, что «попытки связать современные экономические успехи Китая с влиянием конфуцианской традиции представляются некорректными» (С. 130), поскольку китайское конфуцианство стремилось к социальной гармонии, на высшие ступени выдвигали ученых-чиновников, традиция поддерживала идеи равенства и справедливости наряду с негативным отношением к частному предпринимательству.

Хотя появившиеся в прошлые десятилетия многочисленные публикации о достоинствах «конфуцианского капитализма» южнокорейского, сингапурского или тайваньского образца зачастую граничили с саморекламой развивающихся рынков, знакомство с иными точками зрения на проблему соотношения конфуцианства и развития было бы полезным для расширения кругозора читателя. Более того, приведенные авторами аргументы вполне можно использовать для обоснования противоположного вывода о благотворности влияния традиции на современное развитие Китая. Во-пер-

вых, стремление к гармонии помогает ныне сгладить противоречия рыночной экономики, предотвращает возникновение разрушительных социальных конфликтов, позволяет задействовать роль моральных регуляторов экономического поведения. Во-вторых, традиция меритократического «возвышения мудрых» через экзамены позволила сформировать высокий стандарт интеллектуальной компетенции государственного аппарата, способного в наши дни ставить и реализовывать долгосрочные цели развития. В-третьих, конфуцианское пренебрежение властью к предпринимательству можно назвать скрытым благом, поскольку чиновничество не стремилось к превращению государства в «хозяйствующий субъект».

Статья Р.М. Нуреева рассказывает о проблеме с точки зрения экономической науки. В ней содержательно охарактеризованы различные концепции стратегии догоняющего развития, институциональные теории модернизации, рассмотрены критические доводы в адрес неоклассической теории сравнительных преимуществ и дискуссия о неэквивалентном обмене. В завершение дается обзор работ отечественных исследователей, занимавшихся проблемами социально-экономического развития «третьего мира».

Еще одна пара перекликающихся друг с другом статей из двух частей книги — «Востоковедение и конфликтология» (В.Н. Колотов) и «Востоковедный ракурс международных отношений» (А.Д. Богатуров). Автор первого материала подчеркивает «связь между развитием востоковедения и продвижением военно-политических интересов наиболее развитых держав, которые хотели лучше понять противника, мотивы и логику его действий» (С. 170). В качестве отдаленного исторического примера «востоковедной конфликтологии» приведена деятельность иезуитских миссионеров в Китае и Вьетнаме, разработанная ими стратегия дискредитации местных вероучений и религиозных сообществ, расшатывания устоев государства. Более свежий прецедент — умелое использование суверенного страха населения Филиппин перед вампирами в ходе операций американских спецслужб в XX в. Не менее убедителен пример неудач США во вьетнамской войне, обусловленных недостатком профессиональной востоковедческой экспертизы — впрочем, как указывает автор, сходные проблемы преследовали и советскую внешнюю политику.

Следует согласиться с мнением В.Н. Колотова что «державы, претендующие на достойное отстаивание своих интересов на

Востоке, должны позаботиться об обеспечении преемственности подготовки национальных востоковедных кадров, а также их интеграции в процесс выработки наиболее адекватной внешней и внутренней политики» (С. 185). Это напоминание весьма актуально для современной России.

А.Д. Богатуров подчеркнул, что «прогнозирование и анализ современного международного конфликта в огромной степени зависит от понимания закономерностей эволюции западных составляющих мира» (С. 269). Исследователь указал на несостоятельность ожиданий перехода традиционных обществ к западной модели развития, более того, ««неумеренная вестернизация» невыгодна экономически и политически конфликтогенна» (С. 261). Незнание специфики Востока обесценивает западные общественные науки, поэтому востоковедение призвано вводить знания о специфике незападных обществ в оборот общих дисциплин (исторических, экономических, культурологических). Один из примеров, приведенных автором — необходимость понимания восточной иерархии ценностей не как временного переходного явления на пути от «отсталости» к «передовым» западным стандартам, а как естественного порождения общества с иной культурной организацией. «Набор ценностей, которые определяют международное поведение разных стран, может быть во многом одинаковым. Не одинаковы места, которые занимают одни и те же ценности в западных и незападных ценностных иерархиях» (С. 266).

В «инновационной» части книги А.Г. Сторожук с опорой на китайский материал указал на важность изучения ритмов и кодов культуры. По мнению исследователя, «максимально абстрактное математическое описание систем ритмов, характерных для различных культур, с высокой долей вероятности привело бы не только к детальному пониманию конкретных проявлений каждой традиции, но и позволило бы вычленить те области совпадения, которые следует учитывать при выстраивании взаимодействия между цивилизациями» (С. 318).

Н.А. Самойлов предложил целостную концепцию истории социокультурного взаимодействия и формирования геокультурных пространств, которая была приложена к истории российско-китайских контактов. В статье выделены фазы идентификации (XVII в., первые посольства), активации (торговля в Кяхте и Маймайчэне), адаптации (вторая половина XIX в.), переход к активному социокультурному проникновению России в Ки-

тай в начале XX в. (С. 338–339). Большой интерес представляют размышления ученого о роли находившихся на российской службе иностранцев как носителей западной социокультурной традиции.

В первой части книги были рассмотрены связи востоковедения с антропологическим дискурсом (В.В. Бочаров), образом мира в историческом знании (Е.И. Зеленев), правоведением (Л.Р. Сюкияйнен), психологией (О.Ю. Завьялова), религиоведением (В.В. Емельянов), культурологией (А.Г. Сторожук), искусствознанием (Н.В. Алферова). Во второй части можно найти очерки «Востоковедение и процессы глобализации» (О.Б. Озеров), «Культурогенез в свете концепции геокультурного пространства и поля» (Е.И. Зеленев), «Новые концепции в изучении культуры Древнего Востока» (В.В. Емельянов). В ряде случаев теоретические обобщения сформулированы на основе изучения частных проблем: «Об именной классификации в языках нигер-конго, типологии именных классификаций и взаимодействии языковых и внеязыковых данных» (А.Ю. Желтов), «Тибетология и монголоведение как часть востоковедного знания» (В.Л. Успенский), «Основные концепции развития письма у тюркских народов в древности» (Н.Н. Телицин), «Опыт социопсихологической интерпретации уголовных законов китайской династии Тан (618–907 гг.)» (В.М. Рыбаков).

Достоинством книги является подробная библиография, к сожалению, не свободная от погрешностей. В частности, шанхайские издания памятников «Го юй» и «Тан люй шу», «Словарь имен иностранцев, посещавших Китай в новое время» и монография Янь Годуна «История российского китаеведения до 1917 г.» случайно попали в раздел литературы на русском языке. Не удалось убедиться в существовании перевода «Лунь юй» Конфуция, изданного в Москве в 1968 г. В будущих изданиях подобного рода можно порекомендовать составлять более детальную библиографию с указанием названия издательства. С учетом богатства и многообразия вводного материала именной указатель также не стал бы излишним.

В центре внимания авторов книги находилась отечественная востоковедная традиция: история ее формирования, ее специфика, в том числе обусловленная статусом России как незападного общества, основные школы, взгляды и произведения. Это вполне обоснованный акцент, поскольку начинающие востоковеды должны иметь адекватное представление о на-

циональных достижениях в этой сфере.

В будущем при работе над темой стоило бы включить в обновленное издание отдельные обобщающие разделы о современном зарубежном востоковедении, его методах, школах, персоналиях, ключевых дискуссиях. В нынешней книге эта информация неравномерно разбросана по отдельным очеркам. Материал можно было бы структурировать либо по регионам изучения (зарубежное китаеведение, индология, арабистика), либо по изучающим регионам (востоковедение США, Европы, развивающегося мира). Это непростая задача, в том числе и потому, что финансовые

трудности постсоветских лет привели к серьезным перебоим с комплектованием российских научных библиотек западной востоковедной литературой.

Важно при этом уделить внимание «восточному востоковедению», то есть современному изучению странами Востока собственной культурно-цивилизационной специфики с опорой на заимствованные на Западе научные методы. В качестве примера незападной востоковедной рефлексии можно упомянуть споры китайских интеллектуалов о соотношении иностранной синологии и «национального учения» (*госюэ*) как «китайского китаеведения».

© 2014

*А. Ломанов,
доктор исторических наук*

Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. 392 с.

На базе большого фактического материала в книге «Крах монархии в Китае» показано историческое развитие Китая через призму существования в этой стране такого государственного института, как монархия с эпохи первой централизованной империи Цинь до Синьхайской революции 1911 г., свергнувшей маньчжурскую династию Цин, дается анализ социально-экономических и политических процессов столь длительного периода китайской истории, получившего название имперского. История Китая, одна из самых продолжительных в истории человечества, насчитывает 40 столетий, из которых 22 века приходится на ее имперский период, т.е. на время, когда в Китае существовали империи и господствовала монархическая форма правления. Автор рассматривает состояние китайского общества на протяжении более двух с лишним тысяч лет, с древности до второго десятилетия XX столетия в условиях монархической формы правления и многостороннего синтеза традиционных институтов управления и современных для каждой эпохи имперского периода начал в их сложном взаимодействии. Для авторского подхода характерны самостоятельность и новизна. Так, взгляд автора существенно отличается от всех предшествующих работ историков в видении монархической формы правления в тех исторических процессах, которые проходили в течение имперского периода китайской истории. Обычно история Китая имперских эпох от

Цинь до Цин рассматривается, прежде всего, как череда крестьянских восстаний и революций (восстания «желтых повязок», тайпины, ихэтуани, Синьхайская революция). В той же мере все периоды между этими революциями и восстаниями рассматриваются только с точки зрения политического движения (национально-освободительное и т.д.). Такого рода "революционная" концепция характерна как для китайских, так и для российско-советских историков. В отличие от своих предшественников автор книги «Крах монархии в Китае» рассматривает историю Китая имперских эпох не как череду восстаний, а как комплексное общественное состояние, в котором весьма значим был институт монархии, рассматриваемый как системное явление в своем специфическом развитии. В этом плане дается и периодизация истории Китая, в которой он рассматривает монархическую форму правления, доминировавшую в течение всего периода истории Китая, как важную часть общесторической общественной эволюции страны, как одно из слагаемых в рамках системного подхода к истории. Отсюда проистекает объективный подход автора книги к предмету изучения, а с ним и более реалистичная периодизация столь значимого для китайской истории процесса, связанного с формированием важнейшего института государственного управления, который не прерывался на всем протяжении возникновения и падения империй более чем двухты-